

3. Гришаева, Л. Россия и ООН XXI века: новые приоритеты [Электронный ресурс] / Л. Гришаева // Обозреватель – Observer. – 2006. – № 5. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N5_2006/index.htm. – Дата доступа: 18.03.2020.
4. Гришаева, Л.Е. Реформа ООН – выход из кризиса [Электронный ресурс] / Л.Е. Гришаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2007. – № 4. – С. 47–59. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-oon-vyход-iz-krizisa>. – Дата доступа: 18.03.2020.
5. Зверев, П.Г. Позиция Российской Федерации по вопросу реформирования Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / П.Г. Зверев // Актуальные вопросы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7. – С. 73–76. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12440956/Позиция_Российской_Федерации_по_вопросу_реформирования_Совета_Безопасности_ООН. – Дата доступа: 18.03.2020.
6. Злоказова, Н.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы [Электронный ресурс] / Н. Е. Злоказова // Вестник Всероссийской государственной налоговой академии. – 2008. – № 2. – С. 1–13. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/318/443/1241/Вестник_ВГНА_№2_2008.pdf. – Дата доступа: 18.03.2020.
7. Кортунув, С. Реформа ООН и национальные интересы России [Электронный ресурс] / С. Кортунув // СМИ «ИНТЕЛЛИГЕНТ». – 2005. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/sergey-kortunov-reforma-oon-i-natsionalnye-interesy-rossii>. – Дата доступа: 18.03.2020.
8. Лавров: Индия и Бразилия должны быть представлены в СБ ООН в результате его реформы [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7521785>. – Дата доступа: 18.03.2020.
9. Логинова, К. Мир больше пяти: возможна ли реформа ООН [Электронный ресурс] / К. Логинова // Известия. – 30.09.2019. – Режим доступа: <https://iz.ru/926323/kseniia-loginova/mir-bolshe-piati-vozmozhna-li-reforma-oon>. – Дата доступа: 18.03.2020.
10. Основные российские подходы к актуальным вопросам текущей повестки дня ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/rossia-i-oon>. – Дата доступа: 18.03.2020.
11. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. – Дата доступа: 18.03.2020.
12. Федоров, В.Н. Реформирование ООН / В.Н. Федоров // Дипломатический ежегодник-2005. Сборник статей / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Дипломатическая Академия МИД России ; редкол.: Ю.Е. Фокин [и др.]. – М. : Научная книга, 2006. – С. 102–122.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ О. УИВЕРА И Б. БУЗАНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А.А. Володькин (Минск)

Говоря о месте Беларуси в меняющемся мире нельзя обойти стороной вопросы развития внешней политики ее ближайших соседей. Обретя, как и Беларусь, реальную независимость в 1991 г., три государства Балтии

(Литва, Латвия и Эстония) столкнулись с теми же проблемами формирования основ своего национального суверенитета и включения в международную политику в условиях быстрого нарастания процессов глобализации и региональной интеграции.

Вопросы международной безопасности всегда занимали центральное место во всех школах теории международных отношений с момента возникновения данного научного направления. Однако подходы к изучению проблем международной безопасности и их влияния на формирование внешней политики государств претерпели в ходе длительной эволюции теории международных отношений существенную трансформацию. После завершения периода холодной войны и распада характерной для него bipolarной системы международных отношений, традиционные реалистские и либеральные концепции международной безопасности дополняются целым рядом новых подходов, появление которых было связано с влиянием на изучение международных отношений конструктивизма и различных постмодернистских теорий. Эти новые подходы зачастую объединяют под общим наименованием «критического направления» в изучении международной безопасности, поскольку они поставили под сомнение многие идеи, на которых базировались традиционные концепции – существенно расширили само понятие безопасности и включили в сферу своего изучения не только сами угрозы безопасности и способы реагирования на них, но и процесс конструирования этих угроз в массовом сознании.

К этим новым критическим направлениям обычно относят Уэльскую (К. Бут, Р. У. Джонс) и Парижскую (Д. Биго, Дж. Агамбен) школы изучения международной безопасности. Но особое место среди новых подходов заняла Копенгагенская школа. Ее возникновение связывают с работами таких исследователей, как Б. Бузан и О. Уивер, которые значительно расширили традиционные рамки понятия международной безопасности. Представители этой школы ввели такие понятия, как «секторы безопасности» и «региональные комплексы безопасности». Но, пожалуй, наиболее известным достижением Копенгагенской школы стала «теория секьюритизации». Ее основы были изложены в двух совместных работах Б. Бузана и О. Уивера – «Безопасность: новая структура для анализа» [3] и «Регионы и силы: понятие международной безопасности» [2]. Эта теория раскрывает механизм целенаправленного конструирования образа угрозы в массовом сознании и его использование в государственной политике. Согласно ей, чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно «политизировать», т.е. сделать широко обсуждаемой, а затем «секьюритизировать» – т.е. объявить «экзистенциальной угрозой» выживанию государства, нации, общества. Когда представитель государственной власти подчеркивает актуальность и значимость той или иной проблемы, он тем самым переводит ее в ранг угроз безопасности. И из этого вытекает правомерность использования любых мер для противодействия ей.

Т.е. с помощью секьюритизации можно легко мобилизовать ресурсы для достижения своих целей и нейтрализовать рациональные контраргументы оппонентов. Правда, чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом – быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности. Кроме того, общество легче убедить в необходимости чрезвычайных мер, когда проблема ассоциируется с прошлыми бедами (например, в случае давней вражды с соседним государством).

Однако, ценность любой теории определяется теми возможностями, которые она предоставляет для анализа и объяснения реальных ситуаций и кейсов международной политики. Поэтому в данном тексте предлагается протестировать теорию секьюритизации на примере анализа развития внешней политики трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления их государственной независимости (т.е. в постсоветский период). Насколько известно автору, в русскоязычной историографии таких попыток пока не предпринималось. Что касается англоязычных работ, теория секьюритизации упоминается в качестве одного из четырех подходов к анализу развития внешней политики государств Балтии в статье Дж. Ламоро и Д. Гэлбрита [4].

Прежде всего, обозначим основные принципы, цели и этапы развития внешней политики трех балтийских государств в рассматриваемый период. Еще в период борьбы за восстановление независимости в 1989–1991 гг. национальные политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии сформулировали лозунг «возвращения в Европу». Он был тесно связан с их концепцией «восстановленной государственности» (или, как ее обычно называют российские авторы «оккупационной доктриной» [1]). Согласно этой концепции, независимое развитие государств Балтии было насильственно прервано в 1940 г. их включением в состав СССР, которое нарушало нормы международного права и не было признано целым рядом зарубежных стран. На основании этого они объявили сам факт инкорпорации и последовавший за ним многолетний период советского правления незаконным. Логичным следствием такой аргументации становилось стремление к восстановлению независимости, полному выходу из сферы российского контроля и созданию надежных гарантий от возможных попыток Москвы восстановить свой контроль над странами Балтии в будущем.

И единственной такой надежной гарантией политическим элитам Литвы, Латвии и Эстонии представлялась полная интеграция своих стран в системы коллективной безопасности западного сообщества и получение от него, таким образом, обязательств защиты этих стран от возможных недружественных действий со стороны России. Поэтому, как только в 1994 г. завершился вывод с территории государств Балтии российских войск, их лидеры объявили о твердом намерении добиваться полноправного членства своих стран в ЕС и НАТО. При этом, как отмечает директор Института политиче-

ских наук и международных отношений Вильнюсского университета Р. Вильпишаускас, не только стремление к вступлению в НАТО, но и в ЕС аргументировалось, прежде всего, соображениями безопасности, а не рациональной выгоды [5]. Особую непреклонность балтийские политические элиты демонстрировали в вопросе о членстве в НАТО. Резкие возражения против их вступления в этот альянс со стороны России рассматривались, как лишнее доказательство наличия у нее агрессивных намерений в отношении государств Балтии. Поэтому их не устраивали никакие иные варианты, кроме полноправного членства в НАТО – ни проведение политики нейтралитета, ни предлагавшиеся проекты формирования региональной балтийской системы коллективной безопасности вне рамок НАТО. Как указывали балтийские политики, эти варианты уже были испробованы и не помогли Литве, Латвии и Эстонии сохранить независимость в 1940 г.

Уже к середине 1990-х гг. среди системных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии, которые могли достаточно жестко полемизировать друг с другом по вопросам внутренней политики, сложился устойчивый долгосрочный консенсус по поводу того, что именно вступление в эти два ведущих объединения западного сообщества должно быть стратегическим приоритетом и главной целью их внешней политики (в случае Литвы этот консенсус даже регулярно фиксировался специальными межпартийными соглашениями). Лишь отдельные мелкие и внесистемные партии (как правило, представлявшие национальные меньшинства) позволяли себе возражать против этого. При этом, как свидетельствуют данные многочисленных опросов населения, общественное мнение Литвы, Латвии и Эстонии демонстрировало куда меньшее единодушие по вопросам вступления в ЕС и НАТО, чем их политические элиты. Оно отличалось большими колебаниями и неустойчивостью, а также довольно высоким процентом неопределившихся респондентов. Ситуация стала меняться лишь в начале 2000-х гг., когда в преддверии референдумов о вступлении в ЕС правительства развернули широкие информационно-пропагандистские кампании в поддержку данного решения [5].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. на достижение этих стратегических целей внешней политики были мобилизованы значительные ресурсы. Большие суммы (как из государственных бюджетов, так и из внешних источников финансирования) тратились на формирование национальных систем обороны в соответствии со стандартами НАТО и на глубокие структурные реформы в экономике, которые требовались для приема в ЕС. Примечательно и то, что в ходе переговоров о вступлении в эти объединения политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии проявили готовность существенно пересмотреть свое законодательство (например, в вопросах гражданства и размещения на их территории иностранных военных объектов) и пожертвовать значительными национальными интересами

(например, согласиться на закрытие Игналинской АЭС) ради скорейшего принятия положительных решений об их приеме.

Кроме того, все отношения с партнерами на международной арене в этот период оценивались, прежде всего, с точки зрения того, способствовали ли они вступлению стран Балтии в ЕС и НАТО. Именно поэтому до середины 2000-х гг. практически не развивались контакты со странами СНГ, а в повестке регионального сотрудничества с соседними странами Северной Европы и взаимодействия с переходными государствами Центральной и Восточной Европы ключевое место занимали вопросы содействия подготовке Литвы, Латвии и Эстонии к вступлению в ЕС и НАТО.

Теперь посмотрим, насколько приведенные характеристики развития внешней политики государств Балтии укладываются в схему, описанную Б. Бузаном и О. Уивером. Очевидно, что политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии были единодушны в своем стремлении объявить вступление этих стран в НАТО и ЕС важнейшими вопросами обеспечения их национальной безопасности. Большую роль здесь сыграла также постоянная актуализация возможных угроз со стороны России и подчеркивание крайней уязвимости стран Балтии, если они останутся с этой угрозой один на один. Образы этих угроз активно использовались для оправдания максимальной мобилизации внутренних и внешних ресурсов ради достижения полноправного членства в НАТО и ЕС, и получения, таким образом, гарантии собственной безопасности со стороны Запада. Правда, процесс политизации этого вопроса имел свои особенности, так как вплоть до конца 1990-х гг. достигшие внутреннего консенсуса политические элиты не проявляли особого внимания к формированию должной общественной поддержки своего курса. Однако в целом данный пример достаточно убедительно подтверждает правильность теории Б. Бузана и О. Уивера.

Источники и литература:

1. Воротников, В.В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук по специальности: 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая) / В.В. Воротников. – М., 2014. – 381 л.
2. Buzan, B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 570 p.
3. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis. / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
4. Lamoreaux, J.W. The Baltic States As ‘Small States’: Negotiating The ‘East’ By Engaging The ‘West’ / J.W. Lamoreaux, D.J. Galbreath // Journal of Baltic Studies. – Vol. 39, № 1. – March 2008. – P. 1–14.
5. Vilpišauskas, R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / R. Vilpišauskas // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius : Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.